

Dohnal, Josef

Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807)

In: Dohnal, Josef. *Русская литература XVIII века. Избранные тексты I, Хрестоматия*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2013, pp. 241-266

ISBN 978-80-210-6495-9; ISBN 978-80-210-6498-0 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/128730>

Access Date: 24. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Михаил Матвеевич Херасков

(1733–1807)

М. М. Херасков довольно тесно связан с литературной жизнью Москвы и с Московским университетом.

М. М. Херасков является автором довольно большого количества литературных произведений. Прежде чем вы начнёте читать приводимое здесь его произведение, найдите другие херасковские произведения и определите их жанр.

Интерес к русской истории связывает Хераскова с другими русскими писателями XVIII века – с кем из них конкретно? Как изображается в поэме идея просвещенного монарха?

РОССИАДА
поэма эпическая

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Российское государство в самые отдаленные времена, которые нам древние историки известными учинили, было сильно, соседям страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой европейской державе славою, силою, изобилием и победами, по тогдашнему государств состоянию, не уступало; а пространством своим все прочие, как и ныне, превосходило. Но после великого князя Владимира¹¹ расторжение России на разные доли, удельные княжества, междоусобия, неустройства и властолюбие размножившихся князей время от времени силы ее истощать начинали; а наконец бедственному игу хищных орд поработили. С того времени угасла прежняя российская слава и в целом мире едва известною учинилась; она под своими развалинами в забвении близ трех веков лежала. Сие жалостное и позорное состояние, в которое Россию набеги татар и самовластие их погрузило, отторжение многих княжеств, прочими соседями у ней похищенных, беспокойство внутренних ее мятежников, вовсе изнуряющих свое отечество, — сие состояние к совершенному падению ее наклонило. Зло сие простерлось до времен царя Иоанна Васильевича первого¹², вдруг возбудившего Россию, уготовавшего оную к самодержавному правлению, смело и бодро свергшего иго царей ордынских и восставившего спокойство в недрах своего государства. Но царство Казанское при нем еще не было разрушено; новгородцы еще не вовсе укрощены были; соседственные державы должного уважения к России еще не ощутили. Сия великая перемена, в какую сие государство перешло из слабости в силу, из уничижения в славу, из порабощения в господство, сия важная и крутая перемена произошла при внуке царском Иоанне Васильевиче втором¹³, который есть герой сея поэмы.

Итак, не должно ли царствование Иоанна Васильевича второго поставлять среднею чертою, до которой Россия, бедственного состояния достигнув, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близ трех веков ею утраченную? Когда вообразим в мыслях наших государство, совсем

¹¹ *Великий князь Владимир* — великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125).

¹² *Царь Иоанн Васильевич первый*. Так Херасков называет великого князя московского Ивана III Васильевича (1440–1505).

¹³ *Иоанн Васильевич второй* — Иван IV Васильевич, прозванный Грозным.

расстроенное, от соседственных держав угнетенное, внутренними беспокойствами раздираемое, несогласием многоначальства волнуемое, иноверцам поработанное, собственными вельможами расхищаемое, когда все сие вообразим и представим себе молодого государя, самодержавную власть приемлющего, неустройства в отечестве искореняющего, сильных и страшных неприятелей державы своей поправшего, многоначальство обуздывающего, мятежников в недрах отечества усмирившего, отторженные соседями грады возвращающего и целые государства своему скипетру присовокупившего, несогласие и гордость бояр укротившего, благоразумные законы подающего, воинство в лучший порядок приводящего, — не почувствуем ли уважения толь великого духа к государю?.. Таков был царь Иоанн Васильевич!

Иностранные писатели, сложившие нелепые басни о его суровости, при всем том по многим знаменитым его делам великим мужем нарицают. Сам Петр Великий за честь поставлял в мудрых предприятиях сему государю последовать. История затмевает сияние его славы некоторыми ужасными повествованиями, до пылкого нрава его относящимися, — верить ли толь не свойственным великому духу повествованиям, оставляю историкам на размышление. Впрочем, безмерные царские строгости, по которым он Грозным проименован, ни до намерения моего, ни до времени, содержащем в себе целый круг моего сочинения, вовсе не касаются.

Воспевая разрушение Казанского царства со властью державцев ордынских, я имел в виду успокоение, славу и благосостояние всего Российского государства; знаменитые подвиги не только одного государя, но всего российского воинства; и возвращенное благоденствие не одной особе, но целому отечеству, почему сие творение и «Россиадою» названо. Представляю молодого монарха, лаврами увенчанного; сего монарха, о котором и г. Ломоносов в краткой Российской летописи утверждает, что сей царь уже по смерти первой своей супруги Грозным учинился и что неустройства бояр, наподобие крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо после взятия Казани. Прославляю совокупно с царем верность и любовь к отечеству служивших ему князей, вельможей и всего российского воинства. Важно ли сие приключение в российской истории? Истинные сыны отечества, обозрев умом бедственное тогдашнее России состояние, сами почувствовать могут, достойно ли оно эпопеи... а моя поэма сие оправдать обязана.

Издавая в свет сей осьмилетний мой труд, ныне в третий раз исправленный и во многих местах дополненный, чувствую несовершенствы и недостатки оногo,

в сравнении с другими эпическими поэмами. Слабо сие сочинение, но оно есть первое на нашем языке; а сие самое и заслуживает некоторое извинение писателю.

Повествовательное сие творение расположил я на исторической истине, сколько мог сыскать печатных и письменных известий, к моему намерению принадлежащих; присовокупил к тому небольшие анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником университетских гимназий в 1770 году¹⁴. Но да памятуют мои читатели, что как в эпической поэме верности исторической, так в деписаниях поэмы искать не должно. Многое отметал я, переносил из одного времени в другое, изобретал, украшал, творил и созидал. Успел ли я в предприятии моем, о том не мне судить; но то неоспоримо, что эпические поэмы, имеющие в виду своем иногда особливые намерения, обыкновенно по таковым, как сия, правилам сочиняются.

ВЗГЛЯД НА ЭПИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

В «Илиаде» Гомер воспевае гнев Ахиллесов за похищение его невольницы Бризеиды царем Агамемноном, гнев, толико бедственный грекам и Пергаму;

¹⁴ *Анекдоты, доставленные мне из Казани бывшим начальником университетских гимназий в 1770 году.* Анекдот – здесь короткий рассказ об историческом случае. Директором казанской гимназии, подчинявшейся Московскому университету, с 1764 г. был Ю.И. Каниц (ум. 1781 г.). Ему принадлежит первый по времени разбор «Россиады», напечатанный сначала на немецком языке в «Рижском журнале», затем в переводе на русский опубликованный в журнале «Санкт-Петербургский вестник» (1779, август). в связи с этим И.И. Дмитриев писал: «Когда Херасков издал «Россиаду», общество Новикова, состоявшее большею частью из друзей – почитателей первенствующего тогда поэта, вознамерилось написать разбор его поэмы, разумеется, выставить ее лучшую сторону. и что же? Избранные им сочинители неоднократно собирались в дом Новикова. Писали, чертили, переправляли и наконец при всем своем усердии сознались в своем бессилии и предоставили этот труд совершить немцу, директору казанской гимназии» (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. – Сочинения под ред. А. Флоридова, т. 2. СПб., 1893, стр. 59). Современная Хераскову критика не решалась взяться за оценку его произведений. Так, после выхода в 1787 г. «Эпических творений» Хераскова Ф. И. Туманский писал: «Творения господина Хераскова признаны от всех знающих драгоценными произведениями... Рассуждение о его сочинениях было бы здесь не у места, и я считаю себя гораздо слабым, чтобы дерзнуть на суждение изящного. Итак, изъявляю токмо публике содержание оных...» («Зеркало света», 1787, № 82, стр. 495). Взгляд на эпические поэмы. в этом втором, как бы историко-литературном предисловии к «Россиаде», появившемся в третьем издании поэмы, Херасков устанавливает отношение «Россиады» к наиболее известным образцам жанра и ближайшим для себя признает «Генриаду» Вольтера. Однако Херасков недостаточно подчеркнул то значение, которое имела для его работы героическая поэма Ломоносова «Петр Великий» (1760–1761). Несмотря на то, что она была незакончена – написаны только первые две песни, – произведение Ломоносова открыло путь русской героической поэме и оказало свое полезное влияние на Хераскова (см. А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII – первой половины XIX века. Москва 1955, стр. 154 и сл.).

кровавые битвы, пагубу осаждающих и пагубу осажденных троян. Патрокл, друг Ахиллесов, убит Гектором, он мстит за своего друга — убивает храброго Гектора, и тем поэма оканчивается.

В «Одиссее» воспето десятилетнее странствование итакского царя Улисса; возвращение его в дом свой и страшное избиение любовников Пенелопиных, которое «Минстерофанией» наречено.

Вергилий в несравненной «Энеиде» воспел побег Энеев из разоренной греками Трои, прибытие его в Карфагену, любовь его с Дидоною, неверность его к сей несчастной царице. Другой побег его, в Италию, где, убив Турна, сопрягается он с Лавиниею, невестою сего почтенного князя.

В «Погубленном рае» важный Мильтон повествует падение первого человека, вкушение запрещенного плода, торжество дьявола, изгнание Адама и Евы из рая за их непослушание, и причину злополучия всего человеческого рода.

Волтер начинает свою «Генриаду» убиением Генриха III¹⁵, а оканчивает обращением Генриха IV¹⁶ из одной религии в другую, — но прекрасные стихи его всё делают обворожительным.

Армида в Тассовом «Иерусалиме»¹⁷, прекрасная волшебница Армида есть душа сей неоцененной поэмы; ее хитрости, коварства, ее остров, ее нежности, ее самая свирепость по отбытии Ренода восхитительны¹⁸, но не суть назидательны.

Пробежим «Лузиаду» Камознсову¹⁹ и «Фарзалию» Луканову²⁰. Первая есть странствование лузитанцев в Африку, обретение некоторых новых земель — сказания и чудесности. Вся сия поэма есть пиитическое повествование, в коем и сам поэт имел участие. Но повествование, живою кистью писанное, сладостное, привлекательное; это есть галерея преизящных картин, непорядочно расставленных, но каждая из них восхищает, трогает, удивляет и в память врезывается.

15 *Генрих III* (1551–1588) – герцог Анжуйский, затем король Франции, – последний из династии Валуа.

16 *Генрих IV* (1553–1610) – французский король, занявший престол после Генриха III, герой поэмы Вольтера «Генриада».

17 *Тассов «Иерусалим»* – поэма Торквато Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим».

18 *Армида, Ренод* – главные действующие лица в поэме.

19 *«Лузиада» Камознсова* – поэма Луи де Камознса «Лузиады» (1525–1580), прославлявшая португальского мореплавателя Васко да Гама и его географические открытия.

20 *«Фарзалия» Луканова*. Марк Анней Лукан (38–65) – римский эпический поэт, автор незаконченной поэмы в десяти книгах «Фарзалия», темой которой является борьба за власть между Юлием Цезарем и Помпеем в I в. до н. э. Лукан очень подробно и хронологически верно излагает различные перипетии этой борьбы, и его поэма имеет значение исторического источника.

«Фарзалию» многие нарицают газетами²¹, пышным слогом воспетыми; но сии газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаниями и сильными выражениями; в ней воспета война Юлия с Помпеем; при всем том поэма недокончена певцом своим и не была исправлена.

Для тех сие пишу, которые думают, будто эпическая поэма похвальною песнию быть должна. Эпическая поэма заключает какое-нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключение, в бытиях мира случившееся и которое имело следствием важную перемену, относящуюся до всего человеческого рода, — таков есть «Погубленный рай» Мильтонов; или воспевает случай, в каком-нибудь государстве произошедший и целому народу к славе, к успокоению или, наконец, ко преображению его послуживший, — такова должна быть поэма «Петр Великий», которую, по моему мнению, писать еще не время. Два великие духа принимались петь Петра Великого, г. Ломоносов и Томас²²; оба начали — оба не кончили.

К такому роду поэм причесть должно «Генриаду» Волтерову — и мою «Россиаду», не сравнивая, однако, слабое мое творение с превосходной эпопеей Волтеровой. Горе тому россиянину, который не почувствует, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину и сколь великую славу приобрело наше отечество от разрушения Казанского царства! Надобно перейти мыслями в те страшные времена, когда Россия поработчена была татарскому игу, надо вообразить набеги и наглости ордынцев, внутрь нашего государства чинимые, представить себе князей российских, раболепствующих и зависящих от гордого или уничижительного самовластия царей казанских, видеть правителей татарских не только по городам, но и по всем селам учрежденных и даже кумиров своих в самую Москву присылающих для поклонения им князей обладающих, надобно прочесть внимательно всю историю страдания нашего отечества во время его поработчения ордынцам, — и вдруг вообразить Россию, над врагами своими торжествующую, иго мучителей своих свергшую, отечество наше, победоносными лаврами увенчанное, и младого государя, прежним своим законодателям кроткие законы предписующего.

Читатель! ежели, преходя все сии бедства нашего отечества, сердце твое

21 *Газеты* – здесь: определение хроникального характера поэмы Лукана, как бы передающей подневную запись фактов.

22 *Томас* – Антуан Тома (1732–1785), французский писатель, автор похвальных слов и поэм, в числе которых есть отрывки из «Петриады», написанной в честь Петра I.

кровию не обливается, дух твой не возмутится и наконец в сладостный восторг не придет, — не читай мою «Россиаду» — она не для тебя писана — писана она для людей, умеющих чувствовать, любить свою отчизну и дивиться знаменитым подвигам своих предков, безопасность и спокойство своему потомству доставивших.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Пою от варваров Россию свободенну²³,
 Попранну власть татар и гордость низложенну;
 Движенье древних сил, труды, кроваву брань,
 России торжество, разрушенну Казань.
 Из круга сих времен спокойных лет начало,
 Как светлая заря, в России воссияло.
 О ты, витающий превыше светлых звезд,
 Стихотворенья дух! приди от горних мест,
 На слабое мое и темное творенье
 Пролей твои лучи, искусство, озаренье!

Отверзи, вечность! мне селений тех врата,
 Где вся отвержена земная суета,
 Где души праведных награду обретают,
 Где славу, где венцы тщетою почитают;

Перед усыпанным звездами алтарем,
 Где рядом предстоит последний раб с царем;
 Где бедный нищету, несчастный скорбь забудет,
 Где каждый человек другому равен будет.
 Откройся, вечность, мне, да лирою моей
 Вниманье привлеку народов и царей.
 Завеса поднялась!.. Сияют пред очами
 Герои, светлыми увенчанны лучами.
 От них кровавая казанская луна
 Низвергнута во мрак и славы лишена.
 О вы, ликующи теперь в местах небесных,
 Во прежних видах мне явитесь телесных!

²³ *Пою от варваров Россию свободенну*. Согласно поэтическому кодексу классицизма, первые строки поэмы формулировали ее тему и назывались «предложением». Обязательным было также обращение поэта к музе с просьбой о вдохновении и помощи в трудах, что делает Херасков во втором абзаце, призывая к себе «стихотворенья дух».

Еще восточную России древней часть
 Заволжских наглых орд обременяла власть²⁴;
 На наших пленниках гремели там оковы,
 Кипели мятежи, росли злодейства новы;
 Простерся бледный страх по селам и градам,
 Летало зло за злом, беды вослед бедам;
 Курений алтари во храмах не имели,
 Умолкло пение, лишь бури там шумели;
 Без действия в поле плуг под тернами лежал,
 И пастырь в темный лес от стада убежал.
 Когда светило дня к полуночи взирало,
 Стенящу, страждущу Россию обретало.
 В ее объятиях рожденная Казань
 Из томных рук ее брала позорну дань;
 Сей град, российскими врагами соруженный,
 На полночь гордою горою возвышенный,
 Подняв главу свою, при двух реках стоит,
 Отколе на берега шумящей Волги зрит.
 Под тению лесов, меж пестрыми цветами
 Поставлен Батыем²⁵ ко северу вратами,
 Чрез кои в сердце он России выбегал,
 Селенья пустошил и грады пожигал.
 С вершины видя гор убийства и пожары,

24 *Еще восточную России древней часть Заволжских наглых орд обременяла власть.* Казанское царство татар, о борьбе с которым идет речь в поэме, занимало в XVI в. среднее течение Волги от пределов нынешней Горьковской области до границ Астраханской. Оно расположилось на территории государства булгар (болгар), народа тюркского происхождения, обитавшего на Волге и Каме, о чем достоверные известия начинаются с X в. Татары, пришедшие в эти края в XIII в., подчинили себе государство булгар, и оно стало частью Кипчакской орды. В самом конце XIV века один из ханов Золотой орды, Магмет, изгнанный оттуда своими противниками в борьбе за власть, обосновался в бывшей Булгарии, построил город Казань и положил основание Казанскому царству. Последующие правители Казанского царства вели более или менее самостоятельную политику по отношению к Золотой орде и являлись весьма беспокойным внешним соседом России. Ликвидация царства татар стала в XVI в. одной из насущных задач Русского государства, и после нескольких неудачных попыток Иван IV в 1552 г. успешно решил ее, взяв приступом Казань и захватив в плен царя Едигера и виднейших казанских вельмож.

25 *Батый* (ум. 1255) – татарский хан, сын Чингис-хана. В 1237–1240 гг., находясь во главе татарских войск, после кровопролитных боев завладел многими княжествами и основал в низовьях Волги татарское государство Золотую орду со столицей Сарай. Херасков ошибочно приписывает Батыю сооружение Казани.

Где жили древние российские болгары,
 Разженны верою к закону своему,
 Казань, поверженна в магометанску тьму,
 В слезах на синий дым, на заревы взирала
 И руки чрез поля в Россию простирала;
 Просила помощи и света от князей,

Когда злочестие простерло мраки в ней.
 Подвигнуты к странам природным сожаленьем,
 Народа своего бедами и томленьем,
 На части полночь всю расторгшие князья
 Смирляли наглых орд, во бранях кровь лия.

Но как российские Ираклы ни сражались,
 Главы у гидры злой всечасно вновь рождались,
 И, жалы отрастив в глухих местах свои,
 Вползали паки в грудь России те змеи.
 Драконова глава лежала сокрушенна,
 Но древня злоба в нем была не потушенна;
 Под пеплом крылся огонь и часто возгорал,
 Во смутны россос дни он силы собирал;
 Неукротимых орд воскресла власть попоранна
 Во время юности второго Иоанна.
 Сей деда храброго венчанный славой внук
 Едва не выпустил Казань из слабых рук;
 Смутился дух его несчастливым походом,
 Где он начальствовал в войне прошедшим годом,
 Где сам Борей воздвиг противу россос брань,
 Крилами мерзлыми от них закрыв Казань;
 Он мрачной тучею и бурями увился,
 Подобен грозному страшилищу явился,
 В глухой степи ревел, в лесу дремучем выл,
 Крутился между гор, он рвал, шумел, валил,
 И, волжские струи на тучны двигнув бреги,
 Подул из хладных уст морозы, вихрь и снеги;
 Их пламенная кровь не стала россос греть,

Дабы в наставший год жарчее воскипеть.

В то время юный царь в столицу уклонился,
 Где вместо гласа труб забавами пленился.
 О ты, на небесах живущий в тишине!
 Прости, великий царь, мою отважность мне,
 Что утро дней твоих во тьме дерзну представить,
 Пресветлый полдень твой громчае буду славить;
 Велик, что бурю ты вокруг царства укротил,
 Но больше, что страстям душевным воспретил.

Увидев, что Москва, оставив меч, уснула,
 Трепещуща луна из облак проглянула;

Храняща ненависть недремлющи глаза
 От Волги поднялась как страшная гроза;
 Орда, нарушив мир, оковы разрывала
 И, злобой движима, мутилась, бунтовала,
 И стала воздымать главу и рамена,
 Россию утеснить, как в прежни времена.
 Сей страшный исполин в российский грады входит,
 Убийства, грабежи, насильства производит;
 Рукою меч несет, другой звучащу цепь,
 Валятся стены вокруг, томится лес и степь.
 Уже велением коварных Сумбеки²⁶
 В Казани полились российской крови реки;

²⁶ *Еще восточную России древней часть Заволжских наглых орд обременяла власть.* Казанское царство татар, о борьбе с которым идет речь в поэме, занимало в XVI в. среднее течение Волги от пределов нынешней Горьковской области до границ Астраханской. Оно расположилось на территории государства булгар (болгар), народа тюркского происхождения, обитавшего на Волге и Каме, о чем достоверные известия начинаются с X в. Татары, пришедшие в эти края в XIII в., подчинили себе государство булгар, и оно стало частью Кипчакской орды. в самом конце XIV века один из ханов Золотой орды, Магмет, изгнанный оттуда своими противниками в борьбе за власть, обосновался в бывшей Булгарии, построил город Казань и положил основание Казанскому царству. Последующие правители Казанского царства вели более или менее самостоятельную политику по отношению к Золотой орде и являлись весьма беспокойным внешним соседом России. Ликвидация царства татар стала в XVI в. одной из насущных задач Русского государства, и после нескольких неудачных попыток Иван IV в 1552 г. успешно решил ее, взяв приступом Казань и захватив в плен царя Едигера и виднейших казанских вельмож.

И, пламенник нося, неукротимо зло
 Посады в ярости московские пожгло;
 В жилища христиан с кинжалом казнь вступила,
 И кровь страдальческа на небо возопила;
 Там плач, уныние, сиротствующих стон;
 Но их отечество сей вопль вменяло в сон.

Алчба, прикованна корыстей к колеснице,
 В российской сеяла страдание столице.
 О благе собственном вельможи где рачат,
 Там чувства жалости надолго замолчат.
 Москва, разимая погибелию внешней,
 От скорбей внутренних явилась безутешной.

Сокрылась истина на время от царя;
 Лукавство, честь поправ, на собственность воззря,
 В лице усердия в чертогах появилось,
 Вошло, и день от дня сильные становилось.

Там лесь представилась в притворной красоте,
 Котора во своей природной нагоде
 Мрачна как ночь, робка, покорна, тороплива,
 Пред сильными низка, пред низким горделива,
 Лежащая у ног владетелей земных,
 Дабы служити им ко преткновенью их.
 Сия, природну желчь преобратив во сладость,
 В забавы вовлекла неосторожну младость;
 Вельможи, выгоде ревнующи своей,
 Соединилися, к стыду державы, с ней;

И лесь надежные подпоры получила,
 От царского лица невинность отлучила.
 Гонима, истина, стрелами клеветы,
 Что делала тогда? в пещеры скрылась ты!

Во смутны времена еще вельможи были,
 Которы искренно отечество любили;
 Соблазны счастья они пренебрегли,
 При явной гибели не плакать не могли;
 Священным двигнуты и долгом, и законом,
 Стенать и сетовать дерзали перед троном;
 Пороков торжество, поправну правду зря,
 От лести ограждать осмелились царя.
 Вельможи в седилах монарха окружают,
 Их слезы общую напасть изображают;
 Потупленны главы, их взоры, их сердца,
 Казалось, туман простерли вокруг венца;
 На смутных их челах сияет добродетель,
 В которых свой позор прочесть бы мог владетель.
 Дух бодрости в тебе, вещают, воздремал!
 Но царь, то зная сам, их плачу не внимал.

Уныл престольный град, Москва главу склонила,
 Печаль ее лицо, как ночь, приосенила;
 Вселилась в сердце грусть и жалоба в уста,
 Тоскуют вокруг нее прекрасные места;
 Унынье, растрепав власы, по граду ходит,
 Потупив очи вниз, в отчаянье приводит,
 Биет себя во грудь, реками слезы льет;
 На стогнах торжества, в домах отрады нет;
 В дубравах стон и плач, печаль в долинах злчных;
 Во граде скопища, не слышно песней брачных;
 Всё в ризу облеклось тоски и сиротства,
 Единый слышен вопль во храмах божества.
 Грызоямая внутри болезнью всеминутной,
 Казалась Москва воде подобна мутной,
 Которая, лишась движенья и прохлад,
 Тускнеет, портится и зарождает яд.
 Народ отчаянный, гонимый, утомленный,
 Как будто в Этне²⁷ огонь внезапно воспаленный,

²⁷ Этна – огнедышащий вулкан в Сицилии.

Лесистые холмы, густые деревья
С поверхности горы бросает в небеса.

Народ возволновал!.. Тогда, при буйстве яром,
От искры наглый бунт великим стал пожаром;
По стогам разлился, на торжищах горит,
И заревы Москва плачевных следствий зрит.
Противу злых вельмож мятежники восстали²⁸,
Которы строгости царевы подгнетали,
Которы душу в нем старались возмущать,
Дабы при буре сей Россию расхищать.
Два князя Глинские смятенья жертвой были,
Едино из них мятежники убили,
Другой пронырствами от них спастись умел
И новой бурей от трона восшумел.
Простерся мщенья мрак над светлым царским домом,
Непримирима власть вооружилась громом,
Разила тех мужей, разила те места,
Где правда отверзать осмелилась уста;
Поборники забав награды получали,
А верные сыны, восплавав, замолчали.

Россия, прежнюю утратив красоту
И видя вкруг себя раздор и пустоту,
Везде уныние, болезнь в груди столицы,
Набегом дерзких орд отторженны границы,
Под сенью роскошей колеблющийся трон,
В чужом владении Двину, Днепр, Волгу, Дон
И приближение встречая вечной ночи, —
Возносит к небесам заплаканные очи,
Возносит рамена к небесному отцу,

28 *Противу злых вельмож мятежники восстали.* В годы юности Ивана IV за влияние на него и за власть в стране боролись боярские группировки. После сильнейшего пожара в Москве, в июне 1547 г. боярам Захарьину, Нагому, Ф. Скопину-Шуйскому и др. удалось обвинить в поджогах приближенных к царю бояр Глинских и организовать против них народное возмущение. Юрия Глинского убили, его брат Михаил пытался бежать в Литву, был пойман, некоторое время содержался под арестом, а затем получил прощение.

Колена преклонив, прибегла ко творцу;
Открыла грудь свою, грудь томну, изъязвленну,
Рукою показав Москву окровавленну,
Другою — вкруг нее слиянно море зла;
Взрыдала, и рещи ни слова не могла.

На радужных зарях превыше звезд сидящий,
Во бурях слышимый, в перунах бог гремящий,
Пред коим солнечный подобен тени свет,
В ком движутся миры, кем всё в мирах живет,
Который с небеси на всех равно взирает,
Прощает, милует, покоит и карает,
Царь пламени и вод, — познал России глас;

И, славы чад своих последний видя час,
Дни горести ее в единый миг исчислил;
Он руку помощи простерти к ней помыслил.
Светлее стали вдруг над нею небеса,
Живительная к ней пустилася роса,
Ее печальну грудь и взоры окропила,
Мгновенно томную Россию подкрепила;
Одела полночь вкруг румяная заря,
На землю ангели, в кристальну дверь смотря,
Составили из лир небесну гармонию
И пели благодать, венчающу Россию.

Тогда единому из праведных мужей,
Живущих в лепоте божественных лучей,
Господнему лицу во славе предстоящих
И в лике ангелов хвалу его гласящих,
Всевышний рек: «Гряди к потомку твоему,
Дай видеть свет во тьме, подай совет ему;
В лице отечества явися Иоанну,
Да узрит он в тебе Россию всю попоранну!..»

Скорей, чем солнца луч, текущего в эфир,
 Летящий средь миров, как веющий зефир,
 Небесный муж в страну полночную нисходит,
 Блистательну черту по воздуху проводит;
 Закрытый облаком, вступает в царский дом,
 Где смутным Иоанн лежал объятый сном;
 С пришествием его чертоги озарились,
 Весь град затрепетал, пороки в мрак сокрылись.
 Является царю сия святая тень
 Во образе таком, в каком была в той день,
 В который, в мире сем оставив зрак телесный,
 Взлетела, восстенав, во светлый дом небесный;
 Потупленна глава, лежаща на плечах,
 Печальное лицо, померклый свет в очах,
 Мечом пронзенна грудь, с одежды кровь текуща, —
 Трепещущая тень, с молчанием грядуща,
 И спящего царя во ужас привела,
 Приблизилась к нему и так ему рекла:

«Ты спишь, беспечный царь, покоем услаженный,
 Весельем упоен, к победам в свет рожденный;

Венец, отечество, законы позабыл,
 Возненавидел труд, забавы возлюбил;
 На лоне праздности лежит твоя корона,
 Не видно верных слуг; ликует лесь у трона.
 Ты зришься тигром быть, лежащим на цветах;
 А мы, живущие в превыспренних местах,
 Мы в общей гибели участие приемлем,
 Рабов твоих слова в селеньях горних внемлем.
 «Ты властен всё творить», — тебе вещает лесь;
 «Ты раб отечества», — вещают долг и честь;
 Но гласа истины ты в гордости не внемлешь,
 Ты гонишь искренность, безбожну ложь объемлешь.
 Мы, князи сей страны и прадеды твои,
 Мы плачем, взор склонив в обители сии,

Для вечных радостей на небо восхищенны,
 Тобой и в райских мы селеньях возмущенны;
 О россах стонем мы, мы стонем о тебе;
 Опомнись! нашу скорбь представь, представь себе;
 О царстве, о себе, о славе ты помысли,
 И избивенных нас злодеями исчисли».

Отверзлось небо вдруг вздремавшего очам,
 И видит Иоанн печальных предков там,
 Которы кровию своею увенчались,
 Но в прежнем образе очам его являлись:
 Батыев меч во грудь Олегову вонзен;
 Георгий²⁹, брат его, лежит окровавлен;
 Несчастный Феогност³⁰ оковы тяжки носит,
 Отмщения ордам за смерть и раны просит;
 Склонив главы свои, стонают князи те,
 Которы мучимы в их были животе.
 Там видится закон, погранный, униженный,
 Лиющий токи слез и мраком окруженный;
 Погасшим кажется князей российских род;
 Вельможи плачущи, в унынии народ;
 Там лица бледные в крови изображенны,
 Которы в жизни их ордами пораженны;
 Он видит сродников и предков зрит своих,
 Их муки, их тоску, глубоки раны их.

И тень рекла ему: «Отшел в мученье многом,
 Роптая на тебя, сии стоят пред богом;

Последний убиен злодейскою рукой
 Твой предок Александр³¹, я, бывший князь Тверской,

²⁹ Олег, Георгий – русские князья, убитые Батыем.

³⁰ Феогност (ум. 1353) – митрополит Киевский, потерпевший истязания в Орде в 1342 г.

³¹ Твой предок Александр – князь Александр Тверской (1301–1339) был убит в Орде татарами, причем немалую долю ответственности за его смерть несет московский князь Иван Калита, стремившийся подчинить Москве Тверское княжество.

Пришел с верхов небес от сна тебя восставить,
 Твой разум просветить, отечество избавить;
 зри язвы ты мои, в очах тоску и мрак,
 Се точный при тебе страны российской зрак!
 зри члены ты мои, кровавы, сокрушенны,
 И селы вобрази и грады разрушенны;
 Днесь тот же самый меч, которым я ражен,
 И тою же рукой России в грудь вонзен,
 Лиется кровь ее!.. Омытый кровью сею,
 Забыл, что бога ты имеешь судиею;
 Вопль каждого раба, страдание и стон,
 Взлетев на небеса, текут пред божий трон;
 Ты подданным за зло ответственать не чаешь,
 Но господу за их печали отвечаешь.
 Вздремавшую в тебе премудрость воскреси,
 Отечество, народ, себя от зла спаси;
 Будь пастырь, будь герой, тебя твой бог возлюбит;
 Потомство позднее хвалы тебе вострубит.
 Не мешкай! возгреми! рази! так бог велел...»

Вещал, и далее вещати не хотел.
 Чертог небесными лучами озарился,
 Во славе Александр в дом божий водворился.
 Смущенный Иоанн не зрит его во мгле;
 Страх в сердце ощутил, печали на челе;
 Мечта сокрылася, виденье отлетело,
 Но в царску мысль свой лик глубоко впечатлело
 И сна приятного царю не отдает;
 С печального одра он смутен восстает,
 Кидает грозные ко предстоящим очи.
 Как странник во степи среди глубокой ночи,
 Послыша вкруг себя шипение змиев,
 К убежищу нигде надежды не имев,
 Не знает, где ступить и где искать спасенья,
 При каждом шаге он боится угрызенья, —
 Таков был Иоанн, напомнив страшный сон;

Казалось, мерзку лести познал внезапно он,
Страшится он льстецов, им ввериться не смеет.
Несчастен царь, когда он друга не имеет;

Но в действо тайное хотенье произвесть,
Велел в чертог к себе Адашева привести³².

Сей муж, разумный муж, в его цветущи лета,
Казался при дворе как некая планета,
Вступающа в свой путь от незнакомых мест
И редко зримая среди горящих звезд.
Придворные его с досадой угнетали,
Но внутренно его сердца почитали.
Адашев счастья обманы презирал,
Мирские пышности ногами попирал;
Лукавству был врагом, ласкательством гнушался;
Величеством души, не саном украшался;
Превыше был страстей и честностию полн.
Как камень посреде кипящих бурных волн,
Боря не боясь, стоит неколебимо,
И волны, о него бияся, идут мимо, —
Адашев тако тверд среди развратов был,
От мира удален, отечество любил;
Спокойно в дом вступил, где грозный жил владетель.
Страшится ли чего прямая добродетель!
Храняща лести еще под стражей царский двор,
Увидя правду в нем, потупила свой взор;
Отчаянна, бледна и завистью грызوما,
Испытывает всё, ждет солнца, туч и грома.
Предстал почтенный муж, и честность купно с ним;
Так в мраке иногда бывает ангел зрим!
В объятиях своих Адашева имея,

32 К себе Адашева привестъ. Адашев Алексей Федорович (ум. 1560) – приближенный Ивана IV, человек незнатного происхождения, получивший в 1547 г. придворную должность окольничьего. Ряд лет Адашев пользовался большим и благотворным влиянием на Ивана IV, и это влияние он делил с московским священником Сильвестром. Адашев вел активную дипломатическую деятельность.

Со подданным монарх беседует, краснея:
 «Тебе, — в слезах он рек, — я сердце отворю;
 Ты честен, можешь ли не быть друг царю?
 Каков в пустыне был, будь верен перед троном».

Тогда о страшном сне поведав с горьким стоном,
 «Мой бог меня смирил, — он с важным видом рек, —
 Я в нынешней ночи стал новый человек;
 Стыжусь, что я благих советов уклонился...»
 Восплакал Иоанн и праведным явился.
 Как мать верный сын отечество любя,
 Адашев чаял зреть на небесах себя;

На лесь взирающий, вкруг трона соплетенну,
 Оплакивал сей муж Россию угнетенну;
 В восторге рек царю: «Благословенный сон!
 Верь, верь мне, государь, что богом послан он;
 Внемли отечества, внемли невинных стону,
 На сердце ты носи, не на главе корону.
 Что пользы подданным, что есть у них цари,
 Коль страждет весь народ, попранны алтари,
 Злодейство бодрствует, а правда угнетенна;
 Не царь порфирию, порфира им почтенна!
 Довольно презирал ты сам себя и нас;
 Настал теперь твоей и нашей славы час!»

Глаголам истины внимающий владетель
 Увидел с небеси сходящу добродетель:
 Как ангел, явльшийся Израилю в ночи³³,
 Имела вкруг главы блистательны лучи;
 «Се верный друг тебе!» — монарху говорила,
 И лик Адашева сияньем озарила.
 Увидел царь ее в его челе черты

³³ Как ангел, явльшийся Израилю в ночи. По библейским легендам, еврейскому вождю Моисею перед исходом из Египта явился ангел в пылающем огне, вслед за тем бог возвестил, что, видя страдания еврейского народа, он выведет его в землю обетованную.

И так воззвал к нему: «Будь мой сотрудник ты;
Мне нужен разум твой, совет, твоя услуга.
Всех паче благ царю искати должно друга.
Вещай мне истину, ее нам грозен вид,
Но вид сей от корон и тронов гонит стыд;
Гони сей стыд, гони, и строгим мне советом
Яви стези идти премудрости за светом!»

Адашев, чувствуя, коль хитро может лесть
От истины отвлечь, царя в обман привести,
Вещал: «От наших душ соблазны да отгоним,
Себя от здешних стен и праздности уклоним;
Небесной мудрости приобрести руно³⁴
Уединение научит нас одно;
Премудрость гордости и лести убегает,
Мирскую суету она пренебрегает,
Среди развратностей гражданских не живет,
В пещерах и лесах ее находит свет;
Где нет тщеславия, ни лести, ни дум смущенных,
Пойдем ее искать в обителях священных,
Отколе чистый дух взлетает к небесам;

О царь мой! избери сию обитель сам;
Россия сил еще последних не лишена,
Любовь к отечеству не вовсе потушена;
Вели собрать совет, на истину воззри
И нечестивости советы разори:
Увидишь славу ты парящу пред собою;
Мы ради кровь пролить, теперь готовы к бою.
Господь, Россия вся и весь пространный свет
Ко славе, царь, тебя от праздности зовет!»

Есть место на земном лице сооруженно,
Сподвижником святых отшельцев освященно;
Угодники, оттоль восшел на небеса,

³⁴ Руно – здесь: христианский символ, обозначающий «божью благодать».

Оставили свои нетленны телеса,
 Которые, прияв усердное моление,
 Даруют мир, покой, скорбящим исцеленье.
 Угодник Сергей ту обитель основал³⁵,
 Он в малой хижине великий труд скрывал;
 Небесным житием сии места прославил
 И богу там алтарь триличному поставил³⁶;
 Увидя стены вкруг и храмов красоту,
 Возможно городом почестъ пустыню ту;
 В обитель божию сокровища внесены
 Являют души к ней усердием возженны;
 Там холм потоком вод целебных напоен,
 Который Сергием из камня источен;
 Развесисты древа пригорок осеняют³⁷
 И храмов на главы вершины преклоняют.
 То зданье к святости затем приобщено,
 Что славы древних лет хранит залог оно:
 Герои кистью тут живой изображенны,
 Которыми враги России низложены;
 Там виден Святослав³⁸, сидящий на земли,
 Ядущий хлеб сухой и в поте, и в пыли;
 Он зрится будто бы простой меж ратных воин,
 Но древним предпочтен Атридам быть достоин.
 Владимир³⁹ меч и пальм носящ изображен,
 Стоит трофеями и светом окружен;
 У ног его лежит поверженна химера;

35 *Угодник Сергей ту обитель основал.* Речь идет о Троице-Сергиевой лавре, мужском монастыре, основанном около 1345г. преподобным Сергием Радонежским.

36 *И богу там алтарь триличному поставил.* Согласно догматам православной церкви, Бог триедин – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

37 Примечания автора: «Ныне сие место большою Живоначальныя троицы церковию застроено».

38 *Святослав Игоревич (947–972)* — великий князь Киевский, известен как опытный военачальник и храбрый воин, отличавшийся крайне неприхотливым образом жизни.

39 *Владимир Святославич (ум. 1015)* — великий князь Киевский, в чье правление Русь приняла христианство (988).

Со славой съединясь, его венчает вера.
 Там лавры Ярослав⁴⁰ имеет на главе;
 Донской⁴¹ блистает здесь; там Невский⁴² на Неве;
 Там лик великого представлен Иоанна,
 Цесарской первого короною венчанна⁴³;
 Победы, торжества, блистания венца
 К делам великим огонь внушают во сердца;
 Для сих причин в сей храм, ко славе предизбранна,
 Адашев убедил склониться Иоанна.

Еще не скрылося в волнах светило дни,
 Достигли мирного убежища они.
 Сопутницей своей имея добродетель,
 Как будто видел рай в обители владетель:
 Во славе зрится бог, присутствующий там!
 С священным ужасом вступил в господний храм;
 Он ведал, что душа, на небо вознесенна,
 От тела своего врачевна и нетленна,
 Творила многие и ныне чудеса,
 И то сказать могла, что кроют небеса;
 Приходит к Сергию, мольбы ему приносит,
 Всевышней помощи против Казани просит,
 Вещая: «Муж святой! ты Дмитрию помог
 Татарския луны сломить кичливый рог,
 И мне ты помоги, дерзнув против Казани,
 Россию оправдать во предлежащей брани;
 Мое отечество, о Сергий! и твое...
 Возносит пред тебя моление сие!»

40 *Ярослав* Владимирович, по прозванию Мудрый (978–1054) – с 1019 г. великий князь Киевский, достигший больших успехов в упрочении международного авторитета Киевской Руси, в ее культуре, просвещении и пр.

41 *Донской* – князь Дмитрий Иванович по прозванию Донской (1350–1389), «великий князь всея Руси», одержавший в 1380 г. на Куликовом поле блестящую победу над войсками татарского хана Мамаю.

42 *Невский* – князь Александр Ярославич, по прозванию Невский (1220–1263), победитель шведов (1240) и немецких рыцарей (1242), пытавшихся овладеть Новгородом и Псковом.

43 *Лик... Иоанна, цесарской первого короною венчанна*. Великий князь Московский Иван III принял титул «государя всея Руси».

Молитва в воздухе как дым не исчезает,
 Но будто молния небесный свод пронзает,
 На радужных она возносится крылах:
 Молитву искренну читает бог в сердцах;
 Она небесный свод и звезды сквозь преходит,
 В умильность ангелов, геенну в страх приводит.
 Мольбы его как гром пред богом раздались,
 Проснулася Москва, ордынцы потряслись!

В сию достойную внимания годину
 Измеривал творец двух царств земных судьбину:
 Российский до небес возвысился венец,
 Ордынской гордости означился конец;

Но победительным народам и державе
 Препятства предлежать в гремящей будут славе.
 Рассеется орда, угаснет их престол,
 Но россам наперед устроит много зол.

Тогда господнее изрек определенье
 Орган небесных тайн в священном исступленьи,
 Трепещущ, духом полн, служащий алтарю,
 Душ пастырь возвестил пророчества царю:
 «О царь! сплетаются тебе венцы лавровы,
 Я вижу новый трон, короны вижу новы!
 Но царства покорить и славу обрести,
 Ты должен многие страданья пренести.
 Гряди, и буди тверд!..» Слова произнеслися
 И гласом песненным по сводам раздалися.
 В душе монарх тогда спокойство ощутил
 И паки шествие ко граду обратил.
 Адашев к славе огонь в царе усугубляет,
 Написанных князей в предсении являет.
 «Се Рюрик, предок твой, — вещает он царю, —

Троянску отрасль в нем и Августову зрю⁴⁴;
 Он, силы подкрепив колеблемой державы,
 Потомкам начертал бессмертный образ славы.
 Се Ольга⁴⁵ мудрая, казняща Искорест,
 Лучи вокруг главы, в руках имеет крест;
 Коль свято царствует полночную страну!
 Жена прославилась правленьем и войною!
 Се праотцы твои! Взгляни на них, взгляни:
 Ты видишь славу их! колена преклони.
 Здесь кисть учение твое изобразует...»
 И деда царского Адашев указывает,
 Который внутри и вне покоил царств раздор;
 Но, кажется, к царю суровый мечет взор
 И внука праздностью на троне укоряет.

Краснея, Иоанн на лик его взирает,
 Ток слезный от стыда из глаз его течет,
 «Начнем, начнем войну!» — Адашеву речет.
 И се парящая в кругах эфирных слава
 Гласит: «Готовься цвествь, Российская держава!»
 Благочестивый дух царя в Казань ведет;

Престольный град его с гремящим плеском ждет.
 Всевышний на него склонил свою зеницу,
 И царь торжественно вступил в свою столицу;
 Окрестности ее внезапно процвели,
 Во сретенье ему, казалось, роци шли;
 Суровостью времен веселость умерщвлена
 В долинах и лесах явилась оживленна;

44 *Троянску отрасль в нем и Августову зрю.* Согласно легендарной генеалогии, московские князья вели свой род через Рюрика от первого римского императора Августа Гая Юлия Цезаря Октавиана (63 до н.э. – 14 н.э.).

45 *Ольга* — русская княгиня, принявшая христианство. В летописи говорится о том, что, мстя за убийство мужа, князя Игоря Рюриковича, в 946 г. она сожгла древлянский город Искорест («Искоростень, Коростень, ныне г. Овруч, Житомирской обл.).

Как будто бы струи прешедый чермных вод⁴⁶,
 Ликует на холмах толпящийся народ;
 Подъемлет высоко Москва верхи златые,
 И храмы пением наполнились святые;
 Любовью видит царь возженные сердца,
 Зрит в подданных детей, они в царе — отца;
 На лицах радости, в очах увеселенье,
 И духом сладкое вкушает умиление.

Коль царь всевышню власть нечестием гневит,
 Натура вся тогда приемлет смутный вид;
 Но если под венцом сияет добродетель,
 Ликует весь народ, натура и владетель.
 Казалось, Иоанн вновь царство приобрел;
 Избранной думе быть в чертоги повелел⁴⁷;
 Доныне стольный град стениящий, утруженный
 Явился, будто бы осады освобожденный.

...

http://az.lib.ru/h/heraskow_m_m/text_0010oldorfo.shtml

⁴⁶ *Струи прешедый чермных вод*. По библейскому сказанию, евреи, спасаясь от египетского рабства, перешли через расступившиеся перед ними воды Чермного, т.е. Красного моря (между Африкой и полуостровом Аравия).

⁴⁷ Примечания автора: «Избранная дума именовалась в то время вышнее правительство, что ныне Сенат».

